

В МИРЕ творчества

ДВА МОНОЛОГА НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

РАССКАЗЫВАЕТ главный режиссер театра «Современник», народная артистка РСФСР Галина Волчек темпераментно и образно. В поле ее зрения попадает только то, что ее волнует, поэтому каждый ее рассказ — будь то эпизод из жизни молодого «Современника», или размышления о профессии режиссера, или история о том, как она ставила в Америке пьесу Михаила Рождина «Эшелон», — законченная миниатюра, небольшой монолог. Поэтому сегодня вместо традиционного интервью «вопрос — ответ» предлагаем вашему вниманию два монолога Галины Волчек.

О своей профессии

Лариса Шепитько, и французская Ариадна Мнушкина, и другие — они побеждали понятие «женской режиссуры». Да в каждой стране наверняка есть такие — мы просто не всех знаем.

А главный режиссер — это вдвойне сложно, огромная ответственность, экзамен каждодневный — и перед зрителем, и перед артистами. Вы бы хотели каждый день сдавать экзамен? Но скажи мне завтра, что я больше спектаклей ставить не буду... Сейчас «Плаху» готовим. Много лет назад мы вместе с Айтматовым совершили «Восхождение на Фудзияму». Это было не так-то легко. Нравственный диспут «Фудзиямы» продолжался потом во многих наших спектаклях. И в «Плахе» мы хотим добиться своего звучания. Механически перенести на сцену все линии романа, наверное, можно, правда, мне кажется, что это скорее в системе знакового театра, пластического или какого-то другого. Мы ищем свой спектакль в монтаже истории Авдия и истории Бостона...

Об «Эшелоне»

в Хьюстоне

Я вообще много за рубежом работала. В Венгрии, Чехословакии, ГДР, Болгарии. Но самой интересной и по сложности, и по результату была постановка спектакля «Эшелон» в Америке. О ней у нас мало писали, поэтому расскажу.

В 1978 году в Союз приехала большая группа американских театральных деятелей, чтобы познакомиться с современной советской драматургией. За две недели они пересмотрели массу спектаклей, что-то около сорока, и в Москве, и в Ленинграде. Они очень высоко оценили общий уровень советского театра, но в их планы не входило приглашать режиссеров на постановки. В предпоследний день их пребывания у нас в стране 15 директоров, хозяев американских театров, пришли к нам в «Современник» смотреть «Эшелон». «Эшелон» — пьеса о простых

русских женщинах, «тех, кого принято называть простыми русскими женщинами», как пишет автор, Михаил Рождин. Они уезжают в эвакуацию, чтобы там работать для фронта. Пьеса, такая близкая нам, и такая далекая для американцев. В антракте смотрю — они не встают, в фойе не выходят. Вдруг одна дама энергично хватается за руку, и я веду ее туда, куда, по моему мнению, она собралась пойти. Входим в дамский туалет, вдруг она говорит: «Галина, я приглашаю вас на постановку этой пьесы в Хьюстон». В антракте, не дожидаясь до конца, в месте, не подходящем для деловых переговоров...

- Хорошо.
- Когда?
- В декабре.
- О'кей.

А дело было в мае. Совершенно уверенная в абсурдности этого диалога, я никому ничего не сказала. После спектакля они хотят посмотреть, как двигаются по сцене фуруки. Меня хватает за руку один джентльмен.

- Я приглашаю вас поставить этот спектакль в Нью-Йорке.
- Хорошо.
- Когда?
- В декабре.
- О'кей.

По дороге к сцене получаю еще одно предложение

— в Миннеаполис. «Хорошо. Когда? В декабре. О'кей».

Самое невероятное, что в декабре я пересекла океан, чтобы оказаться в роли первого советского режиссера, ставящего спектакль в Америке, в Хьюстоне.

«Впервые» — это понятие в такой стране, как США, решает все. Первый советский режиссер в Америке — значит, всеобщее внимание, портреты во всех журналах и газетах, важно все — что говорит, как говорит, как одет, с кем и как общается, куда ходит. Языковой барьер — чепуха по сравнению с барьером психологическим, который я ощущала с первой минуты до последней. Нужно было привыкнуть к совершенно другому стилю жизни и способу мышления.

Первое, что тебя ошарашивает — истерическая улыбка. Все улыбаются: дети, взрослые, калеки... «Файн! Прекрасно!» Только и слышишь: «Файн! Файн! Файн!». Я с завистью смотрела на эту благость. Файн! Файн! Файн! На пятый день начала беситься — почему все «Файн!»? У них что — ни у кого ребенок не заболел? Никто с мужем не поссорился? Никто не разбил любимую чашку?! Потом поняла — это не маска. Это их природа, и бороться с этим бесполезно. Нужно попытаться понять, что стоит за «Файн!». Один актер объяснил: «Американцы умеют плакать. Но не так, как вы. Они пойдут к психоаналитику, поплачут, заплатят сто долларов, попутрятся, выйдут и скажут: «Файн!».

Господи, думала я, что они со своим «Файн!» знают о войне? О голоде? Как поймут этих женщин из эшелона? Что им скажет унесенный с могилы крест, которым растапливают печку, чтобы спасти ребенка?

Труппа в Хьюстоне была собрана специально для этого спектакля. Мы же привыкли к сложившемуся коллективу, к сложившемуся ансамблю. Видя, как актриса по утрам приезжает в театр на роскошном «мерседесе», я внутренне содрогалась — как она будет метаться вдоль эшелона в поисках крошки хлеба для ребенка?

Но американские актеры подошли к этому с таким чистым отношением, они так хотели и старались понять сами и передать зрителям свою боль.

Одна актриса пригласила меня «на борщ» (какой борщ? откуда? Оказалось, «Нью-Йорк таймс» уже два раза напечатал рецепт нашего борща, и она его сварила в мою честь). Прихожу — живем в одном отеле. И вижу — на стене, оббитой шелком, приклеены фотографии: портреты наших женщин военных лет, такие, какие знакомы каждому из нас

с детства, и — фотография заснеженного Мавзолея. Откуда? Оказывается, она выписала их за большие деньги из нью-йоркской библиотеки. Зачем? «Я репетирую такую пьесу... По утрам я должна видеть не шелковую стенку, а эти лица». Вот такое отношение было у актеров.

Не буду рассказывать, как шли репетиции, — привезла с собой, как мне было веле-но, «вещи, которых в Америке нет». Везла наши пилотки, ватники военных лет, черный хлеб, папиросы «Беломор-канал», бидон и прочий реквизит. Но кто же знал, что в Америке нет веников? Только метлы, а актриса и так высокая, с прямой спиной, да еще метлу ей в руки дать... Веник — не моя прихоть режиссерская, а важнейшая деталь: в этой неприспособленной к жизни теплушке женщина, упрямо подметающая вагон, создает чистоту, порядок, подобие жизни. В конце концов, веник привез из Москвы автор, прилетевший на премьеру, которая приближалась с огромной скоростью.

— Где вы будете сидеть? — спросила меня Найна Вэкс, хозяйка театра.

— Я сидеть не буду, буду бегать между радистом и осветителем.

— Это вы дома будете бегать, а здесь за час до начала, пожалуйста, станьте перед камерой — по телевидению будут передавать съезд гостей.

— ?
И она показала мне гостевой билет на первое гала-представление. 100 долларов! (Для сравнения — на шоу Лайзы Минелли билет стоил 25 долларов).

— Кто же придет?
— Я рискнула.

Зал был полон, причем многие актеры, режиссеры, критики приехали из Нью-Йорка. За час до премьеры я стояла у телевизионной камеры и, умирая от страха, делала «Файн!». В зал не пошла — не было сил. Только к концу первого акта вошла — и услышала такую тишину, о которой режиссер может только мечтать.

В финале произошло совсем невероятное — этот сто-долларовый зал встал и стоя аплодировал. Это было признание великого мужества нашего народа. Соучастие нашему горю и боли. Это был поклон нашим русским женщинам.

Это была не моя личная победа.

Спектакль «Эшелон» шел очень долго по американским меркам и с неизменным успехом. На него откликнулось 50 газет и журналов. Я до сих пор получаю приветия и известия от моих американских друзей...

Фото Ф. Ключика.